

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.422
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

Поступила в редакцию 19.02.2019
Received 19.02.2019

И. Г. Скорая

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИОДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Проанализированы свойства пространства и времени как основных атрибутов общественной реальности. Эти формы бытия являются двумя противоположными, взаимосвязанными и взаимодополняющими феноменами существования материи. В рамках пространственно-временной структуры общества рассмотрен бюджет времени. Показано, что принцип единства социального времени и пространства с материальными структурами находится в неразрывной связи с деятельностью человека. В условиях изменения социального времени и социального пространства происходит трансформация понятия «труд». Одним из приоритетных направлений является уход от жёсткого стандартизированного рабочего графика, т. е. границы между рабочим и свободным временем стираются. В сетевом обществе возможность взаимодействия человека с виртуальным миром достигла совершенно нового уровня: не только человек создает новые формы реальности, но и новая реальность качественно изменяет среду жизнедеятельности человека. Благодаря использованию Интернета возникает новый уровень нелокальной коммуникации, которая существует всегда и сейчас – и в частном, и в публичном пространстве одновременно. Формируются и стремительно распространяются новые способы использования времени, как положительно, так и отрицательно влияющие на жизнедеятельность человека. Существенно актуализируются формирование и использование культуры свободного времени.

Ключевые слова: пространство, время, социальное пространство, материальный мир, социальное время, вне-временное время, рабочее время, труд, свободное время, постиндустриальное общество, сетевое общество

Для цитирования. Скорая, И. Г. Социодинамика пространственно-временной структуры свободного времени в сетевом обществе / И. Г. Скорая // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2019. – Т. 64, № 4. – С. 407–417. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

I. G. Skoraya

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIODYNAMICS OF SPACE-TEMPORAL STRUCTURE OF FREE TIME IN THE NETWORK SOCIETY

Abstract. The properties of space and time as the main attributes of social reality are analyzed. These forms of being are two opposing, interrelated and complementary phenomena of the existence of matter. Within the framework of the space-time structure of society, the budget of time has been considered. It is shown that the principle of unity of social time and space with the material structures is inextricably linked with human activity. Under the conditions of changing social time and social space, the concept of «labor» is being transformed. One of the priority areas is the departure from a hard standardized work schedule, i. e. boundaries between working and free time are erased. In a networked society, the possibility of human interaction with the virtual world has reached a completely new level: not only man creates new forms of reality, but new reality has qualitatively changed the environment of human life. Through the use of the Internet, a new level of non-local communication arises, which always exists now and, in private, in the public space at the same time. New ways of using time are being formed and rapidly spreading, both positively and negatively affecting human life. The formation and use of the culture of free time is significantly actualized.

Keywords: space, time, social space, material world, social time, timeless time, working time, work, free time, post-industrial society, network society

For citation. Skoraya I. G. Sociodynamics of space-temporal structure of free time in the network society. *Vestsi Natsyonal'най akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 4, pp. 407–417 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-4-407-417>

Важнейшими формами существования материи являются пространство и время. Время – существующая объективная реальность, фундаментальная философско-физическая категория, с помощью которой можно описать образование, движение и развитие материальных и интеллектуальных объектов, создавая различные модели реальности. Концепции времени и концепции пространства всегда являются предметом почти каждой онтологии [1, с. 57]. Несмотря на это,

проблема времени еще далека от решения. Задачи исследования приводят к противоречивым, даже парадоксальным суждениям о свойствах пространства и времени.

В науке существует много точек зрения относительно универсальности пространства, которое имеет только три измерения. Уже построены теоретические модели для многомерных пространств (например, в теории невесомости используются 11 измерений пространства–времени, 7 из которых скрыты). Практика показывает, что теоретически это возможно и рано или поздно воплотится в реальность. Модель «пульсирующей Вселенной» предполагает, что ее текущее расширение после Большого взрыва будет заменено сокращением. А в математических уравнениях, описывающих эту фазу развития, время меняет знак с положительного на отрицательный, что означает «потоки в противоположном направлении» [2, с. 160]. Поэтому однонаправленная природа времени из прошлого в будущее уже не рассматривается как универсальная особенность.

Сегодня одним из важных аспектов является то, что трехмерные измерения включены в многомерное пространство только как частный случай. Более того, нет другого способа построить семимерное пространство, так как именно оно содержит трехмерное пространство в качестве подпространства. Трехмерное пространство содержится как подпространство только в седьмой размерной версии. Ни в какой другой версии это пространство не включено в качестве частного случая. Следовательно, целесообразно, чтобы все аспекты, показанные в контексте трехмерных представлений, рассматривались только в рамках семимерных представлений.

Представления о времени, изложенные в разных науках, можно разделить на два класса: космологистические (описание времени, независимого от личности) и антропологистические (описание времени через человеческое восприятие и понимание). Космологистические характеристики времени дают естественные науки, особенно физика. Законы физики применяются независимо от человека. Выдающиеся физики Г. Галилей, Х. Лоренц, Д. Максвелл, И. Ньютон, А. Эйнштейн сформулировали различные физические представления о времени, в котором время видится у каждого по-разному.

Несмотря на различные интерпретации времени в теориях физики, распространенных в ту или иную эпоху, ученые объединяются в определении трех форм проявления времени: порядка, измеримости и топологии. Космологистические понятия о времени обладают только тремя свойствами, упомянутыми выше, если же им будут определены другие свойства, то сформулированы они будут как другие понятия. В этом случае любое другое понятие по отношению к космологистической концепции является вторичным, поскольку оно просто дополняет её и проецирует определенные свойства воспринимающей системы на само время.

За последнее столетие онтология времени была пересмотрена несколько раз. В конце XIX века хорошо известное понятие абсолютного времени доминировало. Основываясь на работе Ньютона, считалось, что время «течет плавно и независимо от какого-либо фактора», это только измеримый промежуток длительности [3, с. 164]. Физическое время и пространство наиболее тесно связаны с материей и движением. Укажем на то, что теория относительности была первой физической теорией, которая радикально изменила представления о пространстве, времени и движении и показала наиболее тесную зависимость пространства–времени от структуры материального объекта и его скорости как в макро-, так и в микромире. Используя специальную теорию относительности, исследователи твердо установили: любое движение может быть описано только применительно к другим телам, которые можно рассматривать как систему отсчета для конкретной системы координат. Пространство и время тесно связаны, так как только вместе и во взаимодействии они могут определять положение движущегося тела.

Поскольку человеческое сознание – это система восприятия и осмысления окружающей среды, которая проецирует свои свойства на сам объект, в том числе время, то эти понятия называются антропологистическими. Немецкий социолог Гюнтер Дукс, исследуя временные концепции человека, обнаружил, что порядок настоящего – прошлого – будущего выражает качественный аспект временной последовательности, являющийся ясным выражением структуры бытия как развивающейся материи [2, с. 160]. Что касается людей, то здесь время приобретает направленное движение, ориентированное на внутреннее восприятие, исходя из развития их сознания. Фокус антропологистических характеристик времени – разделение времени на настоящее, прошлое

и будущее. В разных концепциях разнятся направления движения, а также мнения о том, какие временные проекты действительно существуют, а какие нет. Августин Аврелий считал, что только настоящее является реальным, а время переходит из прошлого в будущее [4, с. 106].

В описании свойств времени Г. П. Аксенов ссылается, прежде всего, на то, что оно длится. «Существует, – пишет он, – неоспоримый ход, бег времени, который образно называют “рекой времени”. Длительность – это такая очевидная и осязаемая особенность времени, что большая ее часть ассоциируется с течением времени. На первый взгляд это означает, что длительность и время одинаковы, хотя продолжительность обычно не может быть рассмотрена только во времени и наоборот. Время – это более многомерное явление по отношению к длительности, а последнее – это нечто, не имеющее структуры, непрерывное, спонтанное, без начала и без конца. Мы всегда находимся в середине потока времени, поэтому начало длительности и ее конец просто теряются. Все может быть, но нет мира без длительности» [5, с. 9–10]. И время, по нашему мнению, в каком-то смысле действительно течет, бежит. Нужно только отметить, что время не льется непрерывно, как поток, а периодически прерывается в процессе движения из одного состояния к следующему состоянию объекта. Время течет не из прошлого через настоящее в будущее, а из настоящего, образованного чередой смены состояний и объектов, в сформированное ими последующее настоящее.

Исследования природы физического пространства и времени показывают, что эти формы могут оставаться устойчивыми в отношении изменений в мире событий. Не каждое изменение в материальном мире требует соответствующего изменения в пространственно-временных отношениях. Известный российский философ М. А. Мостепаненко пишет: «Если бы пространство и время были только отношениями между предметами и явлениями, они бы зависели от любых или почти от всех изменений в мире явлений, но этого на самом деле нет. Пространство и время обладают относительной независимостью от мира явлений» [6, с. 21].

Следует иметь в виду, что пространство – это категория длины и структуры всех материальных объектов, оно является формой существования материи и выражает ее длину, структуру и порядок сосуществования в различных материальных системах. Время – это категория продолжительности существования и последовательности, которая описывает изменения в состояниях всех материальных объектов, существование материи, ее топологию и порядок изменения реальности [4, с. 115].

Свойства пространства и времени можно разделить на универсальные (всеобщие) и специфические (всеобщность которых находится под вопросом). Универсальные свойства пространства и времени выражены в том, что они неразрывно связаны друг с другом. Именно в этом и состоит фундаментальная методологическая основа нашего исследования, так как чрезвычайно важно рассмотреть пространство и время как диалектически связанные категории. Еще в 1908 г. немецкий математик Г. Минковский писал: «Отныне пространство и время должны двигаться в тени прошлого, независимость должны сохранять только пространство и время, слитые в одно целое». Работы ученого сыграли важную роль в неклассических концепциях времени, в которых он соединил пространство и время в знаменитом четырехмерном континууме. Это характеризует обратную, существенную связь между временем и пространством: время может быть измерено посредством пространственных координат, а пространственные измерения могут быть произведены во взаимосвязи со временем. Исходя из научного уровня изучения данного сложного феномена, научно подтверждено, особенно теорией относительности, что позиция единства времени и пространства приводит к появлению новой интегральной категории «пространство–время» [7, с. 65].

Таким образом, существующие в пространстве вещи существуют во времени и, наоборот, присутствуя во времени, они образуют пространственные структуры, поэтому каждая из основных форм бытия выступает как условие другой.

Однако в современном социальном познании преобладают временные или пространственные характеристики социальных явлений и процессов, и доминируют, на наш взгляд, именно первые. Эти разногласия в пропорциях подходов дают исследователям чувство неудовлетворенности, что особенно ощутимо как для тех, кто анализирует социальные явления и процессы в их

временном измерении, так и для тех, кто изучает пространственную структуру объектов. Это касается прежде всего тех, кто изучает бюджет времени в разрыве от социального времени и пространства. По этому поводу В. А. Артемов пишет: «Сегодня взаимосвязь времени и пространства не фиксирована, т. е. бюджет времени отделен от особенностей внешней среды...» [8, с. 20]. А необходимость такой связи более чем актуальна, поэтому одной из основных целей нашего исследования является рассмотрение бюджета времени в контексте пространственно-временной структуры общества, другими словами, бюджет времени не должен быть отделен от внешней среды.

Из материалов работ Я. Ф. Аскина, С. Т. Мелюхина, А. М. Мостепаненко, В. И. Свидерского, Е. Г. Зборовского, Р. Я. Штейнмана, Ю. А. Урманцева и других ученых следует, что все исследователи, занимающиеся изучением пространства и времени, сходятся во мнении, что большой набор характеристик пространства и времени необходимо рассматривать на уровне двух групп – топологических и метрических. Топологические признаки являются качественно устойчивыми характеристиками времени и пространства, метрические признаки – это количественно переменные характеристики данных форм существования. Метрические свойства характеризуются продолжительностью процессов, выраженных в единицах времени (секунда, день, столетие) и временными отношениями (сегодня, накануне, в будущем, в прошлом). Топологические свойства пространства и времени не даны нам в прямом восприятии и могут быть обнаружены посредством абстрактной умственной деятельности. По мнению доктора философских наук Е. Г. Зборовского, метрические и топологические группы времени и пространства могут быть применены к анализу социального времени и пространства. Поэтому в нашем исследовании свойства социального времени и пространства будут изучены с учетом их количественных и качественных характеристик.

Сегодня проблема социального времени и социального пространства представляет определенные трудности для изучения, поскольку социальные явления связаны со сложным переплетением психических явлений. В науке существуют разные подходы к исследованию социального пространства и времени и, как отмечает А. М. Мостепаненко, ни один из них не может считаться универсальным: «Социальное время и социальное пространство можно рассматривать как более или менее независимые формы социального существования. Социальное время и социальное пространство – это не пассивные формы социальной жизни, а активные “регуляторы” отношений, которые характеризуют любое серьезное социальное действие» [6, с. 37].

История человечества показывает, что разные общества по-разному воспринимали социальное пространство и время. Например, Жан Мари Гюйо считал, что концепция времени полностью отсутствовала в первобытном обществе. По словам французского философа, первобытные люди жили, как дети «в настоящем» [6, с. 201]. Постепенно необходимые функциональные действия учили людей ориентироваться в пространстве, у них развивалось ощущение пространства, из которого только в ходе длительного развития сформировалась идея времени. В то же время Герберт Спенсер полагал, что идея времени всегда была присуща человеку, а идея пространства – вторична [6, с. 201].

По мнению Эмиля Дюркгейма, категория времени и пространства имеет чисто социальное происхождение. Социолог рассматривал категорию времени как абстрактную безликую оправу, которая не охвачена нашим личным, индивидуальным сознанием, а является объективированной мыслью всех людей [6, с. 202]. Иными словами, время имеет чисто социальное происхождение (деление на часы, месяцы, и т. д., соответствует частоте праздников, церемоний, обрядов). То же самое относится, по мнению ученого, к категории пространства. Естественно, благодаря научному прогрессу современный человек воспринимает пространство и время по-другому. А. М. Мостепаненко по этому поводу отмечает: «Вывод Дюркгейма о чисто социальном происхождении категорий пространства и времени не оправдан, поскольку научные категории имеют объективное содержание, не зависящее ни от личности, ни от человечества. Конечно, нет причин, чтобы полностью сводить общественное пространство и время к физическому, как это делает, например, Рассел, но нет оснований также и для «растворения» физического пространства и времени в общественном» [6, с. 202–203].

Существенным аспектом этой проблемы является необходимость выяснить, в какой сфере жизни можно найти особенности социального пространства и времени – в социальной жизни, в биологической среде или в мире физической реальности. Очевидно, социальные явления не только тесно связаны с психологическими и биологическими явлениями, но также с физическими микроявлениями, а социальное пространство и время – с психологическим пространством и временем. Одна из трудностей в распознавании социального времени и пространства, по-видимому, связана с тем фактом, что его свойства могут быть изучены только с помощью тех явлений, которые относятся к одному из «более глубоких» уровней движущейся материи [6, с. 207]. Конечно, невозможно отрицать связь личности и социального организма в целом с биологической и физической средой. Но также невозможно отнести возникновение социального времени и пространства к влиянию несоциальных факторов.

Таким образом, делая промежуточные выводы, можно отметить, что социальное пространство – это форма социального бытия, при которой деятельность человека в определенных областях локализуется с позиции места ее проявления. Социальное время – это форма общественного бытия, при которой дифференцированность человеческой деятельности по продолжительности происходит в рамках отдельных социально-экономических формаций на протяжении всего общеисторического эволюционирования [9, с. 109].

При изучении социального времени и пространства определенную ценность имеют разработанные на уровне философских проблем мироистолкования подразделения времени и пространства на реальное, перцептуальное и концептуальное.

Под реальным временем и пространством исследователи понимают свойства и взаимосвязи этих форм в сфере объективной реальности. Свойства реального пространства и времени не зависят от воли человека, его сознания. Объекты и их состояния с момента их появления до реализации своего материального содержания в последующих объектах и состояниях составляют свои собственные настоящие времена. В связи с этим функционирование объекта, пока он существует как таковой, осуществляется в его собственном настоящем. Следовательно, реальное время, образованное конкретными конечными материальными объектами, объективно в действительности. Так называемое прошлое и будущее время не имеют статуса реальности. В природе нет давно ушедшего времени как своего рода контейнера, в который могли бы отправляться все существующие ранее, но исчезнувшие как таковые материальные объекты. Аналогично, нет будущего времени, где размещались бы материальные объекты до их появления.

Перцептуальное время и пространство трактуются как отражение в сознании, главным образом на уровне живого созерцания и воображения реальных отношений в пространстве и времени. Другими словами, это сфера восприятия окружающего мира отдельным индивидуумом. Философы-экзистенциалисты (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Дж. Сартр, А. Камю, Г. Марсель) внесли значительный вклад в изучение перцептуального времени и рассматривали эту категорию не с физической, а с духовной, моральной и эстетической точки зрения. Даже Августин Блаженный еще в V веке заметил странную временную особенность: прошлое прошло, будущее еще не наступило, а настоящее не имеет продолжительности (потому, что любой самый маленький интервал времени можно разделить на прошлое и будущее), а значит, его также не существует как времени. Из этого следует, что время не имеет реальности и существует только в наших субъективных восприятиях. Агностик Дэвид Юм отказывался признавать во времени и пространстве что-либо, кроме порядка и связей между нашими представлениями. Иммануил Кант назвал пространство и время априорными, т. е. внеопытными категориями нашего разума [1]. Для философов-экзистенциалистов жить во времени – значит жить не только в своем внутреннем мире с его непредсказуемой изменчивостью желаний и настроений, но и в изменяющейся внешней среде. Таким образом, перцептуальное время связано с восприятием и переживанием времени человеком: время истекает, замедляется и т. д. в зависимости от определенных ситуаций.

Концептуальное время и пространство представляют собой абстрактные (математические) модели и структуры, которые служат средством научного описания и познания реального и перцептуального времени и пространства. В иерархической системе «реальное – перцептуальное – концептуальное время и пространство» решающую роль играет первая связь. Далее рассмотрим

эти связи подробнее. Перцептуальное время и пространство отражают свою реальную основу, но не всегда полностью ей соответствуют. В мышлении и воображении часто можно увидеть временные и пространственные смещения, которые указывают на подсознательное «уплотнение» либо «разрежение», «ускорение» или «замедление» пространства и времени. Это субъективное ощущение времени, которое соответствует реальному физическому времени. В перцептуальном пространстве локализованы наши ощущения, восприятия и т. д. Реальные объекты локализованы в реальном пространстве (в частности, наши тела в качестве таковых). Наше перцептуальное время, несомненно, является отражением реального времени [6, с. 7, 13].

По-другому следует рассматривать концептуальное время и пространство по отношению к реальному. По мнению Е. Г. Зборовского, концептуальное время, несомненно, является отражением реального прототипа, и в то же время существует «полет воображения», который в этом случае имеет совершенно другое направление. Примечательно, что здесь фантазия находится на уровне высоких логических конструкций и в некоторых вариантах может в принципе не соответствовать реальному времени и пространству (например, ряд неэвклидовых моделей и метризуемых пространств).

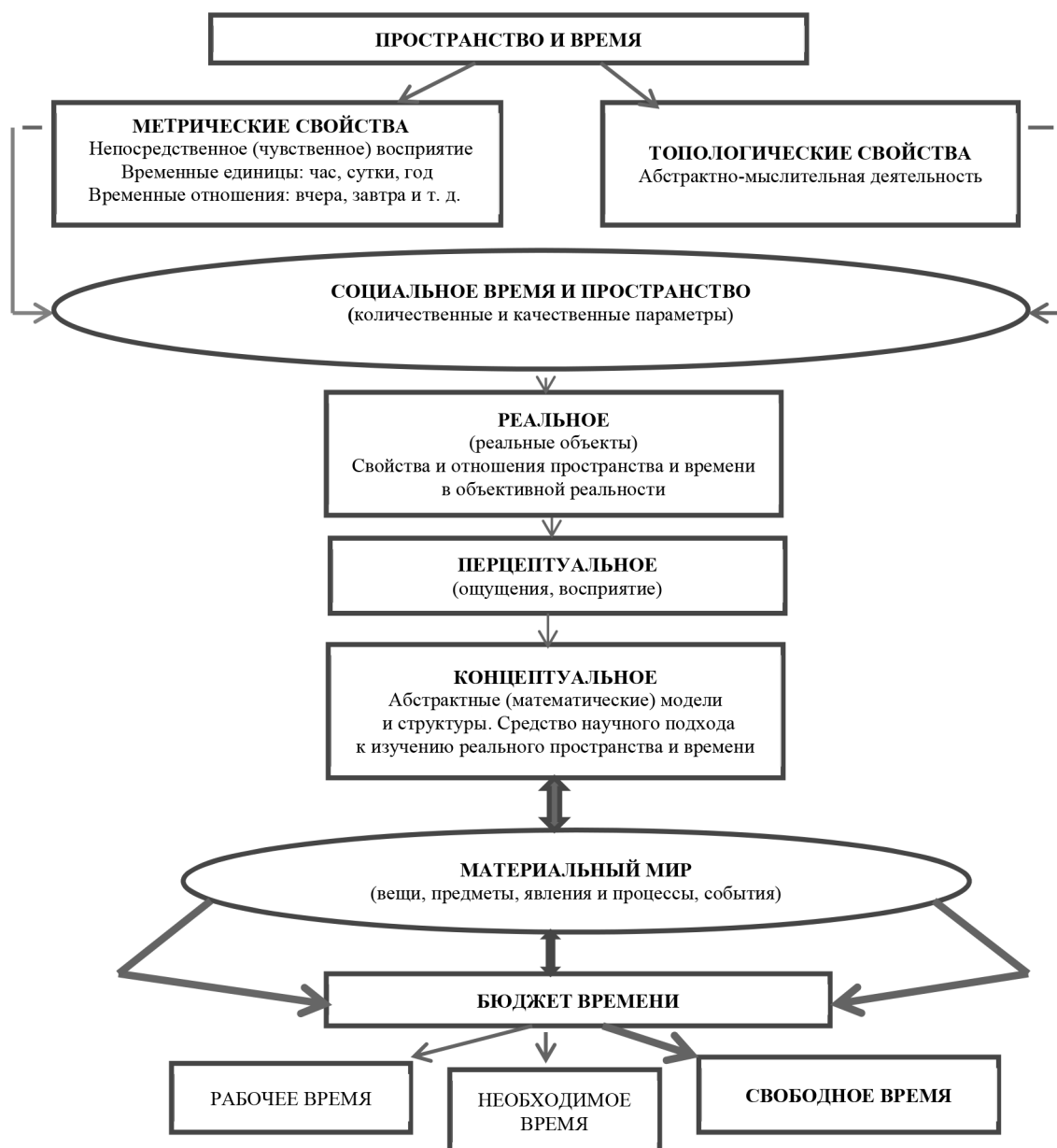
В концептуальном социальном пространстве и времени сегодня существует несколько теоретических конструкций, которые описывают особенности времени и пространства в обществе. Некоторые из них являются частными, а это означает, что они не могут распространяться на всё социальное время и пространство. Примером служат существующие схемы для пространственной организации и структуры городов разных размеров (маленький город, средний город, большой город и т. д.). В таких схемах концептуальное социальное пространство выражается в «кусочках». Помимо частных схем, существуют универсальные схемы, которые применяются ко всему социальному пространству в целом.

Описывая пространство и время, Ф. Энгельс отмечал, что эти две экзистенциальные формы материи без материи – ничто, пустые идеи, абстракции, которые существуют только в наших головах. Поэтому сущность времени и пространства в целом, их специфические характеристики можно понять только тогда, когда пространство и время тесно связаны с их содержанием. Последнее представляет собой множество вещей, объектов, явлений и процессов материального мира. Только в этом аспекте можно полностью описать свойства и дать полные характеристики пространства и времени [10, с. 550].

Таким образом, в неразрывной связи социального времени и пространства с деятельностью человека находит конкретное применение принцип единства пространства–времени с материальными структурами. В нашем случае примером пространственно-временной структуры свободного времени является схема (концептуальная матрица), в которой бюджет времени рассмотрен с выделением его трёх основных элементов – рабочее время, необходимое и свободное время (рисунок).

Фрагментация социального пространства в соответствии с выбранными критериями позволяет показать некоторые проблемы социальной жизни по-новому. На основании функционального подхода рассмотрим: 1) бюджет времени как элемент социального пространства–времени и проанализируем его через призму пространственной локализации; 2) структуру свободного времени как форму социального бытия в контексте концептуального пространства и времени, существующего в материальном мире.

Сегодня мы явно наблюдаем трансформацию социального времени и социального пространства, так как пространство и время меняют свои качественные и количественные характеристики. В постиндустриальном, информационном обществе, по мнению выдающегося испано-американского философа и социолога М. Кастельса, возможность генерировать, обрабатывать и передавать информацию стала фундаментальным источником производительности и власти. Поэтому Кастельс называет постиндустриальное общество «информационным» и считает его Сетевым: именно в нем доминирующие функции и процессы реализуются по принципу сетей. Исходя из распространенности электронных коммуникаций, все жизненно важные функции общества имеют глобальную систему электронных коммуникаций. Инфомагистраль (всемирная паутина) представляет собой систему специальных открытых структур, элементов и узлов,

Концептуальная матрица типов пространства и времени (собственная разработка на основе [6; 9; 10])

Conceptual matrix of space and time types (own development based on [6; 9; 10])

способных на основе сообщений неограниченно расширяться в пределах этой сети посредством одних и тех же кодов связи. Сеть имеет гибкий, адаптивный, эволюционный характер. Социальные сети очень динамичны, открыты для инноваций и не могут потерять равновесие. Сетевые структуры – это не вертикальные иерархические отношения, а горизонтальные, с меньшей позицией контроля [11, с. 61–67].

Поскольку информационное общество основано на пространстве потоков, то населенные пункты в значительной степени лишены своего географического, исторического, экономического и культурного значения и реинтегрированы в функциональные сети. Пространство потоков заменяет пространство мест и является выражением доминирующих процессов в жизни общества. Информационное общество строится вокруг потока капитала, технологий, информации, образов, символов, звуков. М. Кастельс выдвигает гипотезу: сетевое общество характеризуется разрушением биологического и социального ритма, связанного с жизненным циклом [11, с. 414]. В информационном (сетевом) обществе время становится вневременным и имеет новую характе-

ристику темпоральности. В новой общественной системе время как бы стирается. Прошлое, настоящее и будущее можно запрограммировать на взаимодействие друг с другом в одном сообщении. Линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время делится на части, время релятивизируется в соответствии с социальными контекстами. Происходит размывание жизненного цикла, что приводит к социальной аритмии: принцип последовательности жизни из биологического становится социобиологическим, основанным на гибкой, весьма изменчивой реальности.

М. Кастельс подчеркивает важность использования времени в качестве основного капитала. В сетевом обществе гибкая система управления основана на гибкой темпоральности. Сокращение производственного и обменного времени является ядром новых организационных форм хозяйственной деятельности сетевого предприятия. Капитал сжимает время, впитывает его в себя, существуя за счет его перевзвешивания [12, с. 105].

В «Третьей волне» Э. Тоффлера отмечены особенности организации труда в информационном обществе, такие как гибкий рабочий график и работа на дому [13, с. 324, 399]. Р. Флорида отмечает, что требования креативного класса к условиям труда сегодня, в дополнение к гибкому рабочему времени, предусматривают, что работники могут тратить время на реализацию своих собственных проектов, организацию места работы и определение своей роли в компании [14, с. 87].

Таким образом, одним из приоритетных направлений в новой организации труда в соответствии с потребностями информационного общества является уход от жесткого стандартизированного графика работы. Для обоснования этого явления З. Бауман приводит следующие данные. Например, в Англии в 2001 г. только одна треть работающего населения (в классическом смысле) была занята полный рабочий день. Для сравнения: в 1980-х гг. этот коэффициент был применим более чем к 80 % жителей. В Нидерландах работа стала классом высоких, почти спортивных достижений, которые практически не доступны большинству людей со средними навыками, а спорт становится популярным времяпрепровождением и трансформируется в элитное занятие, требующее высоких денежных процентных ставок. Небольшая часть населения, имеющая работу, выполняет свои должностные обязанности очень усердно и эффективно, а остальная часть находится в стороне и не поспевает за темпами производства [15, с. 30]. Для многих людей это означает конец работы в традиционном, довольно стабильном смысле. Поэтому можно говорить о существовании массового перехода работы на несколько часов в неделю, с краткосрочными контрактами или вообще без социальных гарантий, только до «следующего уведомления». Гибкий график работы во многом определяет рабочие отношения «к себе» и «к работодателю». Эта тенденция указывает на то, что границы между свободным и рабочим временем четко проследить невозможно.

В информационном обществе время воспринимается как непрерывный поток, который одновременно потенциально вовлечен в производство и развлечения. По факту рассматривается ещё одна особенность постиндустриального общества информационного типа – неуклонное увеличение доли свободного времени. Тем не менее сегодня в массовом сознании все еще существует связь с четким разделением времени на рабочее и свободное. Однако уже возникает новое направление исследований, которое стирает грани между свободным и рабочим временем, поскольку само производство становится все более виртуальным. Из-за этой тенденции рабочее время теряет свои репрессивные свойства, поскольку внешний источник давления и контроля (работодатель) стирается. Информационное общество также избегает учёта рабочего времени, не пользуясь этой во многом репрессивной процедурой [16]. В виртуализированной корпоративной среде производительность зависит не от графика работы, а от эффективности самой деятельности. Таким образом, закон экономии времени относится к рабочему и свободному времени всего общества (время, сэкономленное на создании материальных благ и развитии производительных сил, становится свободным временем общества).

Однако здесь возникает противоречие. Как отмечает Я. Ю. Ляхова, работники нематериальной сферы деятельности имеют меньше свободного времени, чем работники материальной сферы. На этот результат влияют факторы, связанные с постиндустриальным развитием общества, которые повышают производительность труда за счет внедрения информационных технологий, тем самым сокращая рабочее время, но вместе с этим увеличивают время, затрачиваемое на разра-

ботку новых технологий и необходимость непрерывного самосовершенствования. Несмотря на увеличивающееся количество свободного времени, которое существует в субъективных восприятии людей, фактически свободного времени стало меньше. Это связано, с одной стороны, с одновременным выполнением нескольких видов деятельности, а с другой – с психологическим отсутствием свободы от работы в нерабочее время, особенно у работников нематериальной сферы деятельности [17].

В XXI столетии уменьшается количество необходимого времени, так как затраты времени, связанные с бытовым трудом (мытьё посуды, стирка, уборка и т. д.) и удовлетворением физических потребностей (приготовление пищи, покупки и т. д.), значительно сократились с появлением специализированного автоматизированного оборудования почти в каждой семье. Инфраструктура обслуживания населения постоянно растёт: сегодня полуфабрикаты и готовые блюда можно купить в любом супермаркете. С появлением скоростных поездов, автобусов, машин значительно сокращается время транспортировки. Современные информационные технологии и современная техника дают возможность совмещать разные виды деятельности одновременно. Например, можно совмещать работу по дому и просмотр или прослушивание СМИ, разговор по телефону в дороге или во время приготовления пищи и другие домашние дела.

В настоящее время возникают две новые тенденции: во-первых, происходит трансформация понятия «труд» в постиндустриальном обществе сетевого типа, во-вторых, количество необходимого времени уменьшается, а количество свободного времени, соответственно, увеличивается, поэтому свободное время становится массовым достоянием. Эти изменения связаны с научно-техническим прогрессом, ростом производительности труда, увеличением объёма производства. Однако свободное время не является пустым временем и не освобождает индивида от включения в социальные отношения общества потребителей. В результате, наиболее динамично развивается «индустрия отдыха» со своей специфической инфраструктурой, гостиницами, барами, спортивными сооружениями, которые предназначены как для спортсменов, так и для болельщиков и любителей активного отдыха. Досуг теряет свои индивидуальные качества, поскольку теперь он формируется чаще всего медиасферой [18].

В современном обществе изменилось отношение не только к существующим видам деятельности, но и виды деятельности также стали другими. Инструментом такого изменения стал Интернет. С появлением компьютеров и компьютерных сетей Интернет предоставляет уникальную возможность своим пользователям опробовать новую роль, которая раньше не была доступна для них. Появляется новый вид досуга – Интернет-досуг. Мировые ресурсы Глобальной сети изобилуют сайтами, предлагающими создать произведение собственных рук, причем вариаций хобби такого типа существует невероятное множество и количество вещей в стиле «сделай сам» неуклонно растёт [19, с. 80]. Посредством Интернета можно также воспользоваться различными обучающими курсами, изучить иностранные языки, обучиться танцам и т. д. Интернет-досуг не привязан ни ко времени, ни к пространству. Возникает новый уровень нелокальной коммуникации: он существует всегда и сейчас – и в частном, и в публичном пространстве одновременно. Для получения нужной информации больше не нужно быть в определённом месте и в определённое время.

Развивается дихотомический процесс, состоящий в том, что, с одной стороны, развитие компьютерных технологий позволяет более эффективно использовать рабочее время и увеличить количество свободного времени, которое можно использовать для самообразования, хобби, культурного досуга. С другой стороны, компьютеры являются одними из самых коварных «пожирателей» свободного времени. Современный продукт эволюции – компьютерные игры, которые возникли в результате технологического прорыва в конце XX века, заставляют в корне переосмыслить досуговую деятельность. Опасность заключается в том, что даже самая простая компьютерная игра позволяет забыть о важных вещах, которые в настоящее время были запланированы. Обостряется проблема ухода человека в виртуальную реальность, которая называется интернет-зависимостью со следующими основными проявлениями: 1) зависимость от общения в онлайн-форме; 2) зависимость от интерактивных игр. Виды деятельности, которые осуществляются посредством Интернета, такие как общение, игры (развлечения), имеют возможность

полностью захватить разум, волю и чувства человека и не оставить ему времени для других занятий. Таким образом, в сетевом обществе активно формируется тип «человека – зависимого». Человек зависит от глобальной массовой культуры, которая сформировала его, и от социальных моделей, которые она ему предложила. Общество теряет критерии нормальности, в нем формируется терпимое отношение к отклоняющемуся досуговому поведению.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что создаваемое современным человеком сетевое общество существенно меняет пространственно-временную структуру, организацию и проведение отдельными индивидами и социальными общностями (семья, друзья, сослуживцы, соседи и т. д.) времени. Формируются и стремительно распространяются новые способы использования времени, как положительно, так и негативно влияющие на жизнедеятельность человека. Поэтому возникает необходимость формирования и развития, особенно у молодежи, высокой культуры благотворного использования информационно-коммуникационных технологий и расширяющихся благодаря их использованию объемов свободного времени.

Список использованных источников

1. Пилипенко, П. А. Время: относительная онтология / П. А. Пилипенко // Изв. Саратовского ун-та. Серия: Философия. Педагогика. – 2015. – Т. 15, вып.1. – С. 53–57.
2. Лопаев, Т. П. Свойства времени: их современная интерпретация / Т. П. Лопаев // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 159–171.
3. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон; пер. с лат. и прим. А. Н. Крылова. – М., 1989. – 688 с.
4. Насырова, Э. А. Логико-философская интерпретация и лингвистический аспект категории время / Э. А. Насырова // Вестн. Башкирск. ун-та. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 105–123.
5. Аксенов, Г. П. Причина времени / Г. П. Аксенов. – М., 2001. – 147 с.
6. Мостепаненко, А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени / А. М. Мостепаненко. – Л.: Наука, 1969. – 225 с.
7. Ферсман, А. Е. Время / А. Е. Ферсман. – Петербург: Время, 1922. – 233 с.
8. Артёмов, В. И. Некоторые вопросы использования показателей времени в градостроительном проектировании / В. А. Артёмов, Е. П. Костогарова // Вопросы использования и прогнозирования бюджетов времени. – Новосибирск, 1973. – С. 13–27.
9. Зборовский, Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия / Г. Е. Зборовский. – М., 1834. – 189 с.
10. Маркс, К. Экономические рукописи 1857– 1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., 2-е изд. – Т. 46. Ч. 1. – М., 1978. – С. 515–556.
11. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
12. Кастельс, М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2016. – 243 с.
13. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2004. – 781 с.
14. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.
15. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002. – 168 с.
16. Савенкова, Е. В. Время в массовом сознании / Е. В. Савенкова // Вестн. Самарск. гуманит. академии. – 2007. – № 2. – С. 144–154.
17. Ляхова, Я. Ю. Трансформация понятия «труд» в социально-философских концепциях «постиндустриалистов» / Я. Ю. Ляхова // Вестн. Северного федерального ун-та. Серия : гуманитар. и социол. науки. – 2010. – № 4. – С. 36–39.
18. Ефимов, В. И. Эволюция содержания труда в процессе экономического развития общества / В. И. Ефимов, О. В. Мраморнова // Вестн. Саратовск. гос. техн. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 36–47.
19. Иванченко, Е. А. Манифест handmade один сюжет о повседневности в сети и за её пределами / Е. А. Иванченко, М. А. Корецкая, Е. В. Славенская // Вестн. Самарск. гос. акад. Серия: Философия. Филология. – 2011. – № 3. – С. 71–81.

References

1. Pilipenko P. A. Time: relative ontology. *Izvestiya Saratovskogo universiteta = Proceedings of the Saratov University*, 2015, vol. 15, issue 1, pp. 53–57. (in Russian).
2. Lopaev T. P. Properties of the time: their modern interpretation. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and society*, 2005, no. 2, pp. 159–171. (in Russian).
3. Newton I. *Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Moscow, 1989, 688 p. (in Russian).
4. Nasyrova E. A. Logical and philosophical interpretation and linguistic aspect of the category of time. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta = Bulletin of the Bashkir University*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 105–123. (in Russian).

5. Aksenov G. P. Cause of time. Moscow, 2001, 147 p. (in Russian).
6. Mostepanenko A. M. The problem of the universality of the basic elements of space and time. L, Science publishing house, 1969, 225 p. (in Russian).
7. Fersman A. E. Time. Petersburg, Vremya publishing house, 1922, 233 p. (in Russian).
8. Artyomov V. I., Kostogarova E. P. Some questions about the use of indicators of time in urban planning. *Voprosy ispol'zovaniya i prognozirovaniyam byudzhetoj vremeni = Issues of using and forecasting time budgets*. Novosibirsk, 1973, pp. 13–27. (in Russian).
9. Zborovsky G. E. Space and time as a form of social being. Moscow, 1834, 189 p. (in Russian).
10. Marks K., Engels F. Economic manuscripts of 1857–1859. 1978. Op. 2 ed., vol. 46, pt. 1, pp. 115–137. (in Russian).
11. Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow, UHSE, 2000, 608 p. (in Russian).
12. Castells M. The Power of Communication. Moscow, HSE, 2016, 243 p. (in Russian).
13. Toffler E. The Third Wave. Moscow, AST, 2004, 781 p. (in Russian).
14. Florida R. Creative class. People who create the future. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2016, 384 p. (in Russian).
15. Bauman Z. Individualized Society. Moscow, 2002, 168 p. (in Russian).
16. Savenkova E. V. Time in the mass consciousness. *Vestnik Samarskoy Akademii = Bulletin of the Samara Academy*, 2007, no. 2, pp. 144–154. (in Russian).
17. Lyakhova Yu. Transformation of the concept of “labor” in the socio-philosophical concepts of “post-industrialists”. *Vestnik Severnogo federal'nogo universiteta = Vestnik of the Northern Federal University*, 2010, no. 4, pp. 36–39. (in Russian).
18. Efimov V. I., Mramornova O. V. The evolution of the content of labor in the process of economic development of society. *Vestnik Severnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Saratov State TU*, 2009, no. 2, pp. 36–47. (in Russian).
19. Ivanchenko E. A., Koretskaya M. A., Slavenskaya E. V. Manifesto handmade a story about everyday life on the network and beyond. *Vestnik Samarskoy Gosudarstvennoy Akademii = Bulletin of the Samara State Academy*, 2011, no. 3, pp. 71–81. (in Russian).

Информация об авторе

Скорая Инна Геннадиевна – аспирант. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ina.skoraya@yandex.by

Information about the author

Inna G. Skoraya – Postgraduate student. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, 220072 Minsk, Belarus). E-mail: ina.skoraya@yandex.by